

A man and a child are walking away from the camera on a snowy railway track. The man is in the foreground, wearing a dark jacket and a beanie, with a bag strap over his shoulder. The child is smaller, wearing a brown jacket and a beanie. The track is covered in snow and leads towards a town with snow-covered roofs and a prominent brick tower. The sky is overcast and grey. Power lines and poles are visible overhead.

Чернов Дмитрий

Сирены

18+

Чернов Дмитрий

Сирены

<https://litres.ru/74070349>

SelfPub; 2026

Аннотация

Саша — логист, муж, отец. Внешне — всё правильно. Внутри — пустота, которую он не умеет называть. Мурманск, портовый север, холод как продолжение внутреннего состояния.

Когда рождается сын, ничего не меняется — только пустота становится видимее. Саша уходит в ночную жизнь, встречает Кэтти — работницу клуба, которая видит его точнее, чем кто-либо. Связь с ней не страсть и не спасение. Просто — тихое место. Именно это страшнее всего.

Финансовый крах. Пожар. Больница. И — медленное возвращение. Не к прежнему — к чему-то другому, которое надо ещё научиться называть.

"Сирены" — роман о выборе, который человек делает снова и снова, даже когда говорит себе, что ничего не выбирает.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Чернов Дмитрий

Сирены

Глава

СИРЕНЫ

роман

Дмитрий Чернов

ПРОЛОГ: НОМЕР 512

Город знает твои желания.

Не метафора — факт, который я проверял. Думаешь о чём-то достаточно долго, держишь это внутри как камень под водой, и оно появляется: в витрине, в лифте, в тележке незнакомой женщины в супермаркете. Я проверял несколько раз — осознанно, как проверяют гипотезу. Хотел кофе — кофе появлялся, кто-то на совещании ставил термос на стол. Думал о маршруте, который казался нерешаемым, — решение приходило само, из чужого разговора в коридоре. Город читает тебя раньше, чем ты сам успеваешь прочитывать себя.

Механика была такая: он работает как логистическая система — точная, безличная, лишённая морали. Не осуждает и не одобряет. Просто доставляет. Единственное, что требуется от тебя, — дать импульс. Сделать шаг навстречу. Всё остальное город делает сам.

Я верил в это несколько лет. Это была удобная теория, и удобство её заключалось вот в чём: она снимала с меня ответственность за последствия. Город виноват. Импульс виноват. Система виновата. Я — просто элемент системы, который получает то, что запросил.

Сейчас я лежу в номере 512 дешёвого отеля на Портовой улице.

Моя теория пахнет чужими духами — не духами даже, просто чужим телом, которое уже ушло, оставив запах на подушке. Перегаром. Чем-то ещё — кисловатым, биологическим, конкретным. Бывают запахи, которые лучше не идентифицировать. Этот — из них.

Потолок здесь жёлтый. Не декор — время. Штукатурка пожелтела от табачного дыма, который копился здесь лет двадцать или тридцать, пока в России не запретили курить в помещениях. Запрет ничего не изменил в этом потолке — он уже был таким.

Одна лампочка мигает. Раз. Семь секунд темноты. Раз. Снова жёлтый потолок.

Я считал. У меня сейчас много времени считать.

За стеной что-то монотонно скрипит. Кровать или человек — я намеренно не уточняю, потому что уточнение не изменит ничего. Просто скрип. Ритмичный, равнодушный.

Я не помню, как оказался здесь.

Это неправда. Я помню отлично: такси с запахом ёлочного освежителя и треснутым экраном на держателе. Водитель без разговоров — это хорошо. Портовая улица, третий подъезд, дверь без домофона. Администратор — женщина лет пятидесяти, покрашенные ногти, цвет облупился на мизинце. Она не смотрела на моё лицо. Профессионально не смотрела. Ключ на металлическом кольце, пластиковая бирка: «512».

Лифт скрипит так же, как стена сейчас — та же тональность, та же монотонность. Коридор с ковровой дорожкой — тёмно-красная, с орнаментом, края протёрты. Дверь. Комната.

Я помню всё.

Просто говорю «не помню» — потому что это проще. Это мой старый инструмент: не помню, не заметил, само получилось. Инструмент давно затупился, но привычка осталась.

За окном Мурманск. Конец сентября. Здесь темнеет рано — в пять начинается сумерки, к восьми полная ночь. Не мягкая, не постепенная: ночь здесь падает как решение — резко, окончательно. Когда она устанавливается над городом, он перестаёт притворяться обычным и становится собой: портовые огни в воде залива — красные, белые, отражённые, расплывшиеся. Запах солянки и рыбы и водорослей. Ветер, который идёт с Баренцева моря и не извиняется.

Этот отель стоит здесь, кажется, с тех пор, как город стоит. Стены пропитаны этим запахом насквозь.

Я лежу на спине поверх покрывала. Рубашка на полу — как она там оказалась, я знаю, подробности не нужны. Брюки смяты, но надеты. Это странная деталь, которую я пытался объяснить несколько минут назад и не смог. В какой-то момент я одевался. В какой-то момент не до конца.

На тумбочке — стакан с водой. Я его не наливал.

Значит, кто-то налил. Значит, кто-то здесь был и, уходя, налил воду. Маленькая доброта. Анонимная, ни к чему не обязывающая.

Я её не заслужил.

Но она была.

Как я оказался в этой точке?

Если отвечать честно — я знал направление всегда. Не эту конкретную ночь, не этот конкретный потолок, не этот запах. Но вектор. Я выстраивал его методично, называя по-разному: город, импульс, желание, усталость, обстоятельства. Чем угодно, только не собственным выбором.

Это важное различие. Одно из важнейших, которое я понял слишком поздно.

Жертва обстоятельств — это существо без ответственности. Судьба ведёт его, судьба и виновата. Удобная позиция. Я занимал её долго — так долго, что она стала привычной, как привычным становится плохая осанка: вроде бы неправильно, но уже не чувствуешь.

Человек, который выбирает, — другое. У него нет судьбы

в качестве оправдания. У него есть только то, что он решил. И последствия того, что решил.

Я выбирал. Каждый раз. Каждый из тех поворотов, о которых сейчас думаю, — это был выбор. Осознанный. Я слышал всё, что мне говорили. Я понимал всё, что понимал. И шёл.

Потом один человек сказал мне: «Я слышу тебя». И встал. И ушёл.

Этим человеком был я.

Марк сидел напротив и смотрел мне вслед — я оглянулся у двери. Его лицо было таким, каким бывает лицо у человека, который понимает, что происходит, и знает, что не может остановить. Не злым. Не осуждающим. Просто — знающим.

Я кивнул ему. Он не кивнул в ответ.

За стеной скрип наконец остановился.

Теперь тихо. Настоящая тишина — и в этой тишине я слышу то, что слышу везде в последнее время. Низкую, почти неразличимую частоту. Как будто где-то очень глубоко под городом — под асфальтом, под трубами, под фундаментами зданий, которым по пятьдесят лет, — работает что-то. Или

поёт. Без слов, без мелодии, просто тянет один звук — долгий, ровный, терпеливый.

Первый раз я услышал это у ЗАГСа на Папанина. Два года назад, ноябрь, красный свет у порта. Ирина вела машину, молчала, смотрела на дорогу. Я приоткрыл окно — холодный воздух, запах воды — и услышал. Из-под асфальта, из глубины. Одна нота.

Решил, что это трубы. Городской шум.

Это был не городской шум.

Это был сигнал, который я сам себе посылал и сам же отказывался читать.

Лампочка мигнула. Семь секунд. Снова жёлтый потолок.

Мне тридцать два года.

У меня есть сын. Ему скоро исполнится два. Его зовут Мирон — не я называл, Ирина хотела, я согласился не потому что не было своего мнения, а потому что согласиться было проще, чем иметь мнение. Мирон. Тяжёлое имя для маленького человека, который пока не знает, что оно тяжёлое.

Когда он берёт меня за палец — указательный, только указательный, остальные его зачем-то не интересуют, — я чувствую что-то, у которого нет названия. Не нежность и не радость и не страх. Что-то безымянное, тёплое, конкретное. Что-то единственное, что я пока не разучился чувствовать.

Всё остальное произошло раньше.

Я мог начать с конца — с пожара, с ожогов, с крови на мурманском асфальте, с лица пожарного в маске, который тащил меня за шиворот по мокрому полу. Это было бы эффектно. Острое начало, потом объяснение, как до этого дошло. Читатель такое ценит.

Меня не интересует эффект.

Меня интересует механика. Как нормальный человек — у которого есть жена, и сын, и бизнес, и внятное представление о том, что правильно — как он разбирает всё это по винтику. Не через слабость. Не через случай. Через точность. Через систему. Через серию решений, каждое из которых казалось управляемым, пока все вместе они не оказались нет.

Потому что это не история о том, как я был слабым.

Это история о том, как я был точным.

* * *

Два года назад. Начнём там.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ТРИНАДЦАТЬ КРЕВЕТОК

Глава 1. Баклажан

Два года назад — в самом начале октября, четверг, около восьми вечера — я шёл по торговому залу гипермаркета «Лента» на Кольском проспекте и вёз тележку, в которой лежал один баклажан.

Это важная деталь. Не потому что баклажан — символ. Не потому что я хочу литературных красот. Просто точность важна. Один баклажан — это не «зашёл купить овощей». Один баклажан — это конкретное решение, принятое в конкретный момент и брошенное сразу после.

До магазина был рабочий день. Обычный. Три совещания, два звонка с поставщиками, таблица, которую я переделывал дважды, потому что архангельский партнёр прислал исправленные данные уже после того, как я всё свёл. Серёжа-бухгалтер просидел у меня полтора часа — у него была привычка ждать пока я закончу фразу в документе, прежде чем

начать говорить, и я ценил это. В полседьмого я вышел из офиса, сел в машину и провёл в пробке на Кольском двадцать минут. Стандартно. Октябрьский вечер, темнеет уже рано — в начале шестого сумерки, в семь ночь. Я вёл машину, слушал новости, думал о завтрашних переговорах. Всё было правильно.

Ирина написала список перед тем, как я уехал. Семь пунктов, пронумерованных: мука, баклажан, помидоры, чеснок, масло оливковое (Extra Virgin, обязательно), рис круглозёрный, яйца первая категория. Она всегда писала список перед магазином — это была её система. Каждый пункт точный, без лишних слов.

В тот день у неё было совещание до шести, потом она забирала вещи из химчистки, потом — домой готовить. Мы распределяли так: кто проезжает мимо магазина — тот заезжает. В этот раз проезжал я. Всё логично.

Я взял телефон. Посмотрел на список. Положил в тележку баклажан.

И потерял интерес.

Не резко, не демонстративно — просто мысли потекли куда-то в сторону, и список остался на экране, а я пошёл даль-

ше с тележкой и одним баклажаном, толкая её перед собой по широкому проходу между молочным и бакалеей. Человек с планом, у которого не было желания его выполнять.

Сейчас, когда вспоминаю это, пытаюсь найти объяснение. Усталость? Нет — я был в ровном состоянии, не измотан. Дела дома? Нет — дома не было ничего срочного, кроме ужина. Что-то в воздухе того вечера? Это уже из области мистики, которую я не признаю.

Честный ответ такой: я потерял интерес — потому что потерял. Безо всякой причины. Список из семи пунктов перестал иметь значение в тот момент, когда я положил в тележку первый. Это случилось иногда — с работой, с разговорами, с едой. Начинаешь делать что-то правильное, и в середине что-то внутри просто выключается. Не протест. Не саботаж. Выключается — и всё.

Гипермаркет в восемь вечера — это особое состояние. Не час пик: семьи с детьми уже разъехались, у школьников уроки, малышей укладывают. Не ночная пустота. Промежуток. Остаются только такие, как я — люди, которые зашли за одним, а стоят посреди молочного отдела и смотрят в пространство перед собой, не видя ничего конкретного.

Освещение в «Ленте» холодное. Белый, чуть синеватый

свет — такой делает всех бледнее, немного мертвее, чем они есть. Хорошего в этом нет ничего, но привыкаешь. Запах нейтральный — торговый, холодильный, с лёгким привкусом рыбного прилавка из дальнего конца зала. Фоновая музыка из динамиков: что-то русскоязычное, текущего года, популярное — такое, что можно слышать каждый день и ни разу не запомнить слова.

Я ничего этого не замечал. Потом — вспомнил. Память работает так: в момент, когда что-то важное происходит, деталей не видишь. Потом, когда возвращаешься к этому моменту снова и снова, начинаешь видеть всё — свет, запах, музыку, ковровое покрытие на полу.

Она шла навстречу по главному проходу.

Женщина — может, двадцать пять, может, тридцать. Я плохо угадываю возраст, лица не держатся у меня в памяти. Помню: тёмные волосы, убраны резинкой небрежно — из тех причёсок, которые делаются за одну секунду и держатся плохо, несколько прядей уже выбились. Пальто нараспашку несмотря на октябрь — или тепло ей было, или просто так. В тележке одно манго.

Мы посмотрели друг на друга. Не дольше секунды — это важно. Именно не дольше. Потому что секунда — это просто

столкновение взглядов. Меньше — случайность. Больше — уже что-то другое.

В этой секунде произошло что-то, для чего я не нашёл точного слова ни тогда, ни сейчас. Не флирт — флирт требует усилий, игры, намерения. Не влечение — слишком грубое слово. Что-то проще и неприятнее: решение. Взаимное, молчаливое, мгновенное. Да.

Я знаю, как это звучит. Звучит так, будто я снимаю с себя ответственность: «само получилось», «так вышло», «взгляды встретились». Нет. Я принял решение. В ту секунду. Может быть, за долю секунды. Но принял.

Третий этаж торгового центра, у кинотеатра — туалет. Я знал, что в дальней кабинке замок работает только изнутри — снаружи не запирается. Замечаешь такие детали, если бываешь в подобных местах. Замечаешь или ищешь — разница небольшая.

Она шла впереди. Я за ней. Ни одного слова — ни в молочном отделе, ни у эскалатора, ни в коридоре с синтетическим ковром.

Это было быстро. Механически. Не потому что плохо — потому что слова и усилия были бы лишними, как коммен-

тарий к действию, которое само за себя говорит. Она пахла чем-то лёгким, цитрусовым — не духами, просто кожей. Я держал её за плечи и смотрел на плитку стены перед собой. Серая, стандартная. Одна трещина шла от потолка вниз и заканчивалась на уровне моих глаз — нигде. Просто обрывалась.

Я думал о трещине. Не о ней, не о том, что происходило, — о трещине. Откуда она, когда появилась, видна ли с другой стороны. Это называется диссоциацией — мне потом объяснили. Тогда я не знал слова. Просто думал о трещине.

После — ничего. Она вышла первой. Я вышел через минуту. Стоял у раковины. Вода из крана — холодная, торговые центры экономят горячую. Мыл руки долго — дольше, чем нужно. Смотрел в зеркало на человека, который только что сделал то, что сделал.

Не вину — ноль. Не удовольствие — ноль. Не облегчение. Просто ноль. Чистый, абсолютный.

Как будто сходил по делу и вышел.

Потом стоял и думал: что это было? Не в смысле «что это означает» — в смысле физически, механически. Откуда взялась эта женщина с манго. Откуда взялся я сам в этом кори-

доре. Откуда взялось «да» в ту секунду в молочном отделе.

Город знает твои желания. Думаешь о чём-то достаточно долго — оно появляется. Это была моя теория. Удобная, конкретная, снимающая вопросы. Я держал внутри что-то давно — не мысль о конкретном человеке, не желание конкретного действия. Что-то более тупое: желание выключиться. Не от Ирины, не от работы — просто выключиться, побыть где-то, где нет ни одного правильного пункта из списка. И город ответил: молодая женщина с манго в тележке, которая смотрит на тебя секунду и не отводит взгляд.

Это была удобная интерпретация. Я удерживал её крепко.

Тележку с баклажаном я оставил у входа в туалет — так и стояла, никому не нужная. Остальные шесть пунктов из списка я не купил.

Дома Ирина сидела за ноутбуком — работала что-то вечернее. Подняла взгляд.

— Ты купил муку?

— Забыл.

— И баклажан?

— Да. Вот.

Поставил баклажан на стол. Фиолетовый, блестящий. Одинокий.

Она посмотрела на меня — секунду. Потом на баклажан. Кивнула и вернулась к экрану.

Что она увидела в эту секунду — я не знаю. Может быть, ничего особенного: усталый муж, забывший купить муку. Может быть — что-то ещё, что она тогда ещё не умела называть, но чувствовала. У Ирины был хороший нюх на несоответствия. Она редко говорила о них вслух — предпочитала фиксировать молча и ждать, пока картина сложится сама. Я знал об этом. В ту секунду над баклажаном — знал.

Кивнул. Ушёл переодеваться.

Из спальни слышал, как она закрыла ноутбук, встала, пошла на кухню. Звук холодильника. Потом нож о доску — ровно, методично. Она начала готовить из того, что было. Не упрекнула. Не спросила, почему только баклажан. Просто переключилась на план Б.

Это тоже был её стиль: когда что-то шло не так — не выяс-

нять сразу, а молча адаптироваться. Удерживать ситуацию. Я ценил это тогда. Позже понял, что за этим умением — огромная усталость. Усталость от постоянного удержания.

Я разулся. Налил воды. Стоял у кухонного окна и смотрел на двор.

Думал: всё нормально. Город слышит. Я дал импульс. Он ответил.

Это была удобная теория.

Я верил в неё ещё почти год.

Глава 2. Тринадцать

На фуд-корте той же «Ленты» я заказал том ям.

Это может показаться странным — сначала секс в туалете третьего этажа, потом еда на первом. Но я был голоден. Это совершенно не связанные вещи — секс и голод, — хотя принято думать, что они как-то рифмуются. Не рифмуются. Просто — был голоден, и пахло кориандром от тайской стойки, и я встал в очередь.

Руки ещё не совсем успели прийти в норму. Я их вымыл

— хорошо вымыл, долго, холодной водой, как уже рассказывал. Но ощущение оставалось: не грязи, другое. Лёгкая гипертоническая реакция кожи — такое бывает после незнакомой прикосновения, когда нервные окончания ещё не знают, как классифицировать то, что произошло. Я засунул руки в карманы. Встал в очередь.

Фуд-корт «Ленты» устроен по стандарту — семь стоек в ряд, одинаковое освещение над каждой, одинаковый запах общего пространства под индивидуальными запахами кухонь. Тайская, суши, грузинская, бургеры, пицца, что-то называющееся «Домашняя кухня», кофе с выпечкой. Каждый вечер здесь одни и те же люди с одними и теми же тележками. Родители с детьми в колясках. Пожилые пары, которые едят молча, не потому что не о чем говорить, а потому что уже знают друг друга так хорошо, что слова перестали быть нужны. Одинокие мужчины с телефонами — таких было много, и я был один из них.

За тайской стойкой — женщина лет сорока пяти. Усталая, в форменном фартуке, перчатки. Лицо хорошее — не красивое, просто обычное, человеческое. Она была очень далеко от меня в тот момент, как бывают далеко люди, которые стоят в метре и при этом существуют в совершенно другом мире. У неё был свой вечер — смена заканчивалась через сколько-то часов, дома кто-то ждал или не ждал, были свои

семь пунктов списка и свои незакрытые вопросы. Всё это существовало параллельно с тем, что было у меня. Никак не пересекаясь.

— Оригинальный том ям, — сказал я.

— Сколько креветок?

Меню-доска над стойкой: два варианта, десять или пятнадцать. Это был простой вопрос с двумя простыми ответами.

— Тринадцать.

Я не знаю, почему я так сказал. Психолог, наверное, нашёл бы объяснение — нечётное число, несчастливое, между двумя правильными вариантами. Я просто сказал тринадцать. Первое число, которое пришло в голову.

Или — не первое. Может быть, осознанное. Может быть, это был тест: можно ли получить то, чего нет в меню, если достаточно настойчиво попросить. Я не мог тогда сказать честно. До сих пор не могу.

Женщина подняла голову. Посмотрела на меня — без раздражения, без насмешки. С тем спокойным, профессиональным терпением, с которым смотрят на людей, которые созда-

ют небольшую проблему.

— У нас только десять или пятнадцать.

— Тринадцать.

Долгая пауза. Фуд-корт шумел вокруг. Где-то позади меня — дети, разговоры, посуда. Обычный вечер. Я смотрел на неё. Она смотрела на меня. Что-то в моём лице, наверное, было не вполне обычным — что-то от того состояния, которое ещё не совсем ушло. Не сумасшедший, не агрессивный — просто человек, который сейчас немного не здесь.

— Хорошо, — сказала она. — Поняла вас.

Она насчитала мне тринадцать. Я потом пересчитал — в контейнере ровно тринадцать. Она нарушила правила стойки ради клиента, который вёл себя странно. Это была её маленькая доброта. Одна из тех маленьких доброт, которые случаются каждый день с людьми, которые их не замечают.

Я заметил. Запомнил.

Взял контейнер. Взял палочки и пластиковую ложку. Встал у высокого стола у окна.

Ел медленно. Том ям горячий, кислый, с галангалом — правильный, не адаптированный под местный вкус. Тот, в котором не чувствуется желание понравиться туристам. Просто — такой, какой должен быть. Пересчитал креветки ещё раз. Тринадцать.

Смотрел на фуд-корт. На семьи. На пары. На одиноких мужчин с телефонами.

Думал: я принял решение сегодня. Не одно — несколько. Съехать с маршрута к молочному и повернуть к эскалатору. Пойти вслед, не сказав слова. Написать Ирине «Буду поздно» вместо «Уже еду». Заказать тринадцать вместо десяти или пятнадцати.

Каждое решение — маленькое. По отдельности — незначительное. Вместе — они образовывали траекторию. Я видел эту траекторию. Я видел её в тот момент, у высокого стола с тринадцатью креветками.

И не остановился.

Это важно. Я хочу, чтобы было понятно: я не был слепым. Я не говорил себе «само вышло, ничего страшного, один раз». Я видел, куда ведёт то, что я делаю. Просто продолжал.

Потому что была теория. Удобная, красивая, моя.

Город знает твои желания. Нужно только дать импульс — и он услышит. Ты несёшь в себе что-то давно, что-то настоящее, что-то, чего нет дома в правильной постели с правильным матрасом. И город отвечает. Он всегда отвечает, если ты готов слышать.

Сейчас это звучит как бред. Тогда это была система. Чёткая, функциональная, как логистическая цепочка: импульс — отклик — результат. Я был хорошим логистом. Я умел выстраивать системы.

Доел том ям. Выбросил контейнер.

Вышел из «Ленты». На улице — тёмный октябрьский вечер, влажный асфальт, редкие фонари. Сел в машину. Позвонил Ирине.

— Я заехал в магазин. Задержался немного. Буду через двадцать минут.

— Хорошо, — сказала она. — Ужин почти готов.

Голос ровный, тёплый. Без вопросов.

Поехал домой. Правила дорожного движения, сигналы, перекрёстки. Всё как обычно. Город за окном — огни, дома, люди в освещённых квартирах. Он ехал рядом со мной, этот город. Я думал: он слышит. Я думал: он ответил.

Почему тринадцать — я думал об этом ещё несколько минут по дороге. Потом перестал думать.

Потом — гораздо позже, уже после всего — понял. Всю эту историю можно описать как попытку получить тринадцать, когда мир предлагает десять или пятнадцать. Требование точно своего числа — не жадность, не принцип. Просто убеждённость, что моё число — правильное, что система обязана его учесть.

Мир не устроен под твоё число.

Это я понял в фуд-корте «Ленты» — только через год после того, как стоял в этом же фуд-корте с тринадцатью креветками и думал, что город меня слышит.

Хорошая новость в том, что я всё-таки понял.

Плохая — в том, сколько это стоило.

Глава 3. Много пустого пространства

В нашей спальне была большая кровать.

Сто восемьдесят на двести, матрас «Орма» средней жёсткости с независимым пружинным блоком. Ирина выбирала три недели. Это не преувеличение — три недели она читала отзывы, сравнивала по жёсткости и гигроскопичности, смотрела видеообзоры. Я говорил «ладно, нормально» на всё, что она предлагала. В итоге она выбрала этот.

Хорошая кровать. Дорогая. Много места.

Места всегда было слишком много.

Я это понял не в ту ночь, которую сейчас описываю. Раньше — может быть, через полгода после того, как мы купили эту кровать и переехали в эту квартиру. Понял — и не назвал. Вещи, которые не называешь, существуют в каком-то промежуточном состоянии: есть, но как бы нет. Их можно обходить каждый день, не признавая их существования. Я умел это делать. Годами.

Тот вечер, который я помню — не потому что особенный, а потому что типичный. Таких вечеров было много: они складывались в недели и в месяцы, и каждый был как предыдущий, и это само по себе было проблемой, о которой никто

не говорил вслух.

Мы поели молча. Ирина сделала что-то из баклажана и того, что нашлось в холодильнике — получилось нормально. Она умела из любого набора продуктов приготовить что-то съедобное. Я сказал: «Вкусно». Она сказала: «Там ещё в кастрюле». Поела сама, вымыла посуду, я вытер столешницу. Всё привычно, всё правильно. Как отлаженная цепочка поставок — каждое звено на месте, груз прибывает вовремя, никто не опаздывает.

После ужина — ноутбуки, каждый в своё. Она работала — что-то доделывала из офисного. Я читал новости, потом закрыл ноутбук. Пошёл в ванную. Вернулся. Она ещё работала.

— Я пойду, — сказал я.

— Ложись, — кивнула, не поднимая взгляда.

В спальне — темно, только ночник на её тумбочке. Лёг. Взял книгу. «Лидер без страха» — куплена три месяца назад в аэропорту Шереметьево, читана по несколько страниц в неделю. Хорошая книга. Правильная. Каждое предложение понятно. Каждый совет — логичен. Я читал и понимал всё, и не чувствовал ничего.

Она пришла через двадцать минут. Легла на свою сторону. Взяла телефон, надела один наушник — второй остался лежать на подушке, шнур свернулся петлёй. Это был её жест вежливости: один наушник — значит я рядом, слышу тебя, если что. Я знал это, но не пользовался.

Лежал. Читал.

Потом она сняла один наушник. Провела ногой по моей голени — медленно, сверху вниз. Этот жест я знал хорошо — она делала его с начала нашей совместной жизни. Не «я хочу тебя» — «я здесь, посмотри на меня».

Я сделал вид, что не заметил.

Подождал несколько секунд. Потом ещё несколько.

— Эй, — сказала она. — Ты не спишь?

— Мм? Нет, просто... нужно дочитать главу.

Она закрыла мою книгу. Пальцами ног — ловкий, привычный жест, она так делала всегда, с самого начала. Мне нравилось раньше. Я отложил книгу.

Мы целовались. Занимались сексом.

Буду писать об этом прямо, потому что иначе — значит кривить.

Это было быстро. Без лишних слов, без усилий ни с чьей стороны. Не потому что не хотели друг друга — я уже не могу сказать с уверенностью, что было с этим. Просто ритм давно устоялся, и отклоняться от него требовало каких-то усилий, которых не было. Я кончил раньше, чем должен был. Третий или четвёртый раз подряд.

Лежал потом на спине. Слышал, как она неподвижна рядом — не спит, просто лежит. Смотрит в потолок, наверное. Комната тёмная — только полоска городского света под шторой. Отсвет. Её лицо в этом свете — неподвижное, я не мог разобрать выражения.

— Прости, — сказал я. — Много работы.

Долгая пауза. Тяжёлая.

— У тебя каждый раз много работы.

Не упрёк — констатация. Она произнесла это ровно, как произносят то, что давно знают и давно приняли к сведению.

Факт, занесённый в таблицу.

Я не ответил. Что тут ответить — она была права. Работа была каждый раз. Каждый раз — что-то, что давало возможность не быть здесь целиком. Звонок, который надо сделать. Письмо, которое надо дописать. Даже когда звонков не было — мысли о звонках, которые будут. Я умел заполнять пространство работой. Это был мой способ не находиться полностью там, где я находился.

Она это знала. Не говорила — знала.

Встала. Открыла тумбочку.

Я знал, что там: пачка презервативов — тех, которые мы больше не использовали, потому что она была на контрацептивах, — лубрикант и вибратор в нейтральном сером корпусе. Он появился в тумбочке полгода назад. Без разговора, без объяснений — просто оказался там однажды. Я не спросил. Она не рассказала.

Взяла вибратор. Ушла в ванную.

Дверь закрылась — не на замок. Просто закрылась.

Это различие имело значение, которое я понял не сразу.

Не на замок — значит не злость. Не изоляция. Просто — граница. Вот здесь я, вот там ты. На сегодня хватит.

Через несколько секунд — звук воды из крана. Потом, под водой — низкое ровное жужжание. Ритмичное, терпеливое.

Она справлялась сама. Это было её решение — закрытая дверь, вода, жужжание. Это не было злостью на меня. Это была просто — адаптация. Человек приспосабливается к тому, что есть.

Позже — это слово «вода» начало повторяться. В родильном зале. В храме на крещении. В пожаре — спринклеры сверху, как дождь внутри. В финале, в театре, синий свет сцены. Вода повсюду — сначала как граница, потом как очищение, потом как что-то, что заливает и гасит. Тогда — первый раз — вода была просто звуком из-за закрытой двери. Звуком её отдельности от меня.

Я взял книгу. Открыл на той же странице.

«Настоящий лидер умеет признать, когда чужой подход эффективнее его собственного».

Прочитал. Перечитал.

Смотрел на закрытую дверь ванной. Слышал воду. Жужжание под водой.

Это была не злость и не обида. Это было что-то холоднее и конкретнее — понимание правил игры, в которой ты проигрываешь. Не потому что плохо играешь. Потому что правила изменились, пока ты не смотрел, и никто не потрудились объяснить.

Она справляется без меня. Я лежу рядом и читаю про лидерство без страха.

Жужжание стихло.

Потом — тишина. Потом она вышла, легла, повернулась на бок. Через несколько минут дыхание выровнялось — она умела засыпать быстро. Это тоже была способность, которой у меня не было. Я лежал ещё долго, слушал её дыхание.

Ровное. Тихое. Её.

Я думал: мы живём правильно. Всё по плану. Квартира есть, работа есть, кровать хорошая, сто восемьдесят на двести. Всё нормально.

Откуда тогда ощущение, что на этой большой кровати

слишком много пустого пространства?

Глава 4. Делегирование

«ЛогТранс» я открыл в двадцать девять лет.

Название придумал сам — за пять минут, на бумажной салфетке в кафе, куда пришёл обсудить с Марком перспективы. Марк сказал: «Скучно». Я сказал: «Скучное запоминается». Марк пожал плечами. Название осталось.

Логистика для ресторанного бизнеса — поставки продуктов, маршрутизация, выстраивание цепочек от поставщика до кухни. Работа точная, предсказуемая, без лишних эмоций. Либо груз приехал вовремя, либо нет. Либо клиент доволен, либо нет. Критерии чёткие.

Я любил именно это: чёткость критериев.

Рабочий день выглядел так. В восемь тридцать я открывал ноутбук — первые тридцать минут только я в офисе, Серёжа приходил в девять, остальные позже. Пока был один, просматривал маршруты: три активных клиента, у каждого своя цепочка поставок, своя карта точек, своё расписание. Это была медитация. Правда — я не называл это так, слово «медитация» у меня вызывало раздражение. Но по сути

— то самое: полное присутствие в одном конкретном действии, без лишних мыслей. Только таблицы, только маршруты, только числа.

В девять приходил Серёжа. Садился напротив. Открывал ноутбук. Молчал. Мы работали молча — это была наша система, которую никто не обговаривал.

В девять сорок пять обычно появлялась Ирина.

Офис на шестом этаже бизнес-центра «Арктика» на Ленинградском. Стеклопакетные стены, вид на залив — если стоять у восточного окна и смотреть под правильным углом. Я редко стоял у восточного окна. Обычно — у западного, спиной к заливу. Смотрел на команду.

Нас было пятеро. Дима — двадцать пять, энергичный, рисовал диаграммы на флипчарте с такой убеждённостью, что казалось: сама диаграмма решает проблему. Лена и Катя — я их путал именами все два года, хотя одна была высокая блондинка, а другая — небольшого роста брюнетка, и спутать их было физически невозможно. Видимо, дело было не во внешности. Серёжа-бухгалтер — приходил в девять, уходил в шесть, всё делал правильно, молчал, иногда кивал на совещаниях. И Ирина.

Ирина на работе была другой, чем Ирина дома. Это я понял не сразу — постепенно, как понимают то, что видишь каждый день.

Дома: список из семи пунктов, сериал в наушниках, закрытая дверь ванной. На работе: быстрые движения, чёткие вопросы, решения без колебаний. На неё смотрели, когда не знали, что делать. Я был хорош в деталях — маршрут, срок, поставщик. Ирина была хороша в направлении.

На меня смотрели, когда хотели подтверждения.

Это два разных взгляда. Первый — за властью. Второй — за разрешением. Я понял разницу поздно.

В тот день речь шла о клиенте «Солнце» — три новые точки в торговом центре, хотели поставки продуктов под наш контроль, сроки сжатые. Четыре недели от подписания контракта до первой поставки. Я смотрел на это число и думал: не реально. Поставщик в Кировске, согласование с транспортной компанией, оформление документов под новые точки — минимум шесть, лучше восемь. Четыре — только если убрать все буферы и надеяться, что ничего не сломается.

В логистике убранный буфер — это катастрофа, которую ты запланировал заранее.

Ирина думала иначе. Она бросила Диме маркер через длинный стол — точно, без предупреждения, Дима поймал. Начал рисовать схему. Схема разрасталась — параллельные процессы, сжатые сроки, всё выглядело убедительно на флипчарте.

— Нереально, — сказал кто-то из девушек.

— Гениально, — сказала Ирина ровно. — Дима, нет, вот это не пойдёт. — Быстрый взгляд на меня: — Что думаешь?

Я медленно отвернулся от окна.

— Я уже так пробовал в ноябре. Не срослось.

Пауза. Дима замер с маркером.

— Ну это у тебя не срослось, — сказала Ирина. — Значит, пробуем иначе. Кто за?

Все потянули руки.

Я развернулся и вышел из переговорной. Не хлопнул дверь — просто вышел. Шаги по коридору, стеклянная дверь в курилку.

Никто не остановил. Только Ирина — я чувствовал её взгляд на закрывающейся двери. Не слышал, как она продолжила совещание, но знал: продолжила. Без паузы.

В курилке — стеклянная кабина на балконе, Кольский залив внизу. Серый, ноябрьский, тяжёлый. Ветер гнал мелкую рябь вдоль береговой линии. Я любил этот вид — не за красоту, за честность. Залив не притворялся. Серый — потому что серый. Тяжёлый — потому что тяжёлый.

Закурил. Стоял.

За стеклом — офис. Свет, движение, чей-то день рождения в дальней комнате: торт на столе, хлопушка, смех. Ирина в центре группы — говорила что-то, жестикулировала. Смеялась.

Не та улыбка, которую я видел дома. Живее. Шире. Настоящее что-то.

Я курил и думал: там — она. Здесь — я. Между нами — стекло и расстояние, которое мы оба давно перестали замечать. Как перестают замечать хронический шум — он есть, он всегда есть, просто перестаёшь его слышать.

Хроническое — это то, что не болит. Острая боль требует внимания. Хроническая — нет. Хроническая встраивается в фон и становится нормой.

Докурил. Потоптался. Пошёл в туалет.

Вышел через девять минут. Сказал отражению: «Уже лучше». Отражение смотрело на меня нормально — никакой задержки, никаких странностей. Просто — человек, который смотрит на себя после.

Вернулся на совещание. Ирина уже перешла к следующему пункту.

Никто не прокомментировал моё отсутствие.

Это была работа. Я был в ней хорошим. Это я знал точно.

Остальное — под этим — ещё тихо лежало там, где лежит всё, что не называешь. Тихо, неподвижно, не болит.

Глава 5. Курилка

Марка я знаю с двадцати двух лет. Мы познакомились на складе за городом — рыбные консервы, ночные смены, минус пятнадцать, запах, который пропитывает одежду на-

сквозь и уходит только после трёх стирок. Два месяца. Потом каждый в свою сторону.

Несколько лет — редкие звонки, встречи раз в год. Потом снова сошлись — уже в другом возрасте, с другими делами, с другими словами для того же самого.

Он открыл строительную фирму. Я — «ЛогТранс». Стали встречаться регулярно — раз в две недели, иногда чаще. Это было одним из немногих постоянств в моей жизни, которые я не разрушил.

Марк умеет видеть людей. Не «понимать» — именно видеть.

Разница: понимать — это анализировать, строить объяснения, находить причины. Видеть — это замечать, что есть, без объяснений. Видеть человека таким, какой он есть прямо сейчас, а не таким, каким должен быть по теории. Это редкое умение. Люди с ним обычно не говорят о нём вслух — просто говорят вскользь, потом ждут.

Марк говорил вскользь и ждал. Иногда очень долго.

В тот день он появился в офисе после обеда. По какому-то своему делу — я уже не помню, по какому. Нашёл меня в

курилке.

— Ты чего вышел?

— Дышать.

— После совещания?

— После совещания.

Закурил. Встал рядом. Смотрели на залив — серый, ноябрьский, с барашками у берега. Краны у пирса. Буксир. Небо одного цвета с водой.

— Ирина сегодня молодец, — сказал он.

— Да.

— Ты тоже.

Я посмотрел на него.

— Я вышел посреди совещания.

— Дать другим пространство — это тоже иногда правильно.

— Это не было стратегией.

— Знаю. Но могло ей быть. Или стать.

Марк докурил. Смял окурок о перила. Помолчал — его стандартная пауза, которую я знал хорошо. Он умел молчать без давления. Молчание у большинства людей — это вопрос, который ждёт ответа. У Марка — просто пространство. Хочешь — заполняй. Не хочешь — стой рядом.

— Как ты вообще?

— Нормально.

— Нормально — это не ответ.

— Хорошо.

— Это тоже.

Молчали. Залив внизу — тяжёлый, тёмный. Ноябрь. К вечеру, скорее всего, снег.

Я думал о том, что он сейчас видит. Человека, который вышел посреди совещания и стоит на балконе в ноябре. Ко-

торый отвечает «нормально» на каждый вопрос. Который смотрит на залив вместо того, чтобы смотреть в человека, который спрашивает.

Марк это видел. Я знал, что видел. Он не называл — ждал, пока я сам.

Я не назвал.

— Если что — звони, — сказал он. — Правда.

— Слышу.

Он посмотрел на меня — чуть дольше обычного. Не «я не верю, что у тебя нормально». Просто — запомнил этот момент. Сохранил на будущее. Потом кивнул.

Зашли внутрь.

Коридор, кофемашина, рабочие звуки. Кто-то по телефону в конференц-комнате — слова неразборчивые, только интонация: убеждает кого-то. Лена или Катя несла папку. Серёжа шёл к принтеру.

Обычный день.

Марк свернул к лестнице — у него ещё было что-то в здании.

Я пошёл в другую сторону.

У стеклянной двери в курилку — остановился. Стекло снаружи стало зеркальным: внутри офиса горел свет, снаружи темнело. Поздний ноябрьский полдень — в три уже сумерки, в четыре ночь.

Я поймал своё отражение в стекле.

Смотрел несколько секунд.

Моё отражение смотрело чуть левее. Не прямо на меня — мимо, на что-то за моей спиной.

Я обернулся. Пустой коридор. Кофемашина. Вешалка с чьей-то курткой.

Снова в стекло — нормально. Просто я. Мои глаза, мои плечи. Смотрит прямо.

Но пока я оборачивался — оно двигалось. Я видел краем глаза. Оно успело вернуться до того, как я снова посмотрел.

Я простоял там дольше, чем нужно. Ни объяснения, ни страха — просто остановился. Потом пошёл к столу. Открыл таблицу. Маршруты по «Восходу». Клиент «Полярный». Переговоры с Архангельском.

Серёжа сидел напротив и смотрел в свой монитор — тихо, методично. Он никогда не начинал разговора первым. Приходил в девять, уходил в шесть, всё делал правильно. Это был лучший бухгалтер, которого я знал.

— Серёжа.

— Да.

— Как у нас с «Восходом»?

— По графику. Оплата в пятницу.

— Хорошо.

Тишина. Я смотрел в маршруты.

За окном — Кольский залив, серый, ноябрьский. Кран. Буксир. Небо.

Я думал: Марк видит меня. Видит — и не говорит. Ждёт.

Это его уважение ко мне — он не лезет, пока я сам не готов.

Позже я думал: может быть, надо было полезть. Может быть, именно тогда, в курилке, — когда стекло стало зеркалом и моё отражение смотрело мимо меня. Если бы Марк сказал: стоп. Что происходит. Не вскользь — прямо. Может быть, я бы ответил честно.

Но это гипотеза. Марк не полез. Я не сказал. Залив остался серым.

Под этим — ещё ничего. Ещё ничего.

Глава 6. ЗАГС

ЗАГС на улице Папанина стоит между аптекой и магазином канцтоваров — это важно, мне кажется. Не место для торжеств, место для документов. Серое здание, которому лет сорок, деревья у входа голые в ноябре.

Мы расписались второго ноября, в пятницу, в два часа дня.

Накануне я долго думал о том, что должен чувствовать. Не боялся — это точно. Не ждал откровения. Что-то среднее: ощущение правильности, которое должно было прийти,

когда делаешь важную вещь. Мы с Ириной три года. Она хорошая. Я хороший. Мы хорошо подходим. Это было — если честно — моим главным аргументом самому себе: мы хорошо подходим.

Это не так плохо звучит, как кажется. Много браков начинается с меньшего.

Утром в пятницу я встал раньше обычного. Выгладил рубашку — единственную белую, куплена специально. Сварил кофе. Ирина вышла в платье — синее, с маленькими пуговицами, я видел это платье один раз до этого: Новый год у её родителей два года назад. Она была хорошая в этом платье. Я сказал: «Хорошо выглядишь». Она сказала: «Спасибо». Выпили кофе. Поехали.

Я зашёл в это здание мужчиной, который живёт с женщиной, и вышел мужем. Промежуток занял двадцать минут, включая ожидание своей очереди.

Регистратор — женщина с халой и профессиональным лицом — открыла нам дверь: «Следующие. Заходите, не стесняйтесь». Именно так и было сказано: «не стесняйтесь». Интонация врача в переполненной поликлинике.

Тесный кабинет. Зелёное сукно на столе. Толстая книга

в тёмно-красном переплёте — книга актов. Две ручки в стаканчике с логотипом какого-то банка. Чернильница. Герб на стене. Фигус в углу. Окно выходило в соседний двор — там кто-то выбивал ковёр. Методично, раз в несколько секунд, глухие удары. Регистратор этого не слышала или не замечала.

Мы расписались молча — сначала Ирина, ровно и аккуратно. Потом я. Регистратор протянула свидетельство — белый лист в красной рамочке. Мы взяли одновременно. Наши пальцы соприкоснулись на краю бумаги. Она хрустнула.

— Поздравляю, — сказала регистратор. — Теперь вы муж и жена. — Пауза. — Можете поцеловаться.

Мы поцеловались. Коротко, правильно.

Выходили по коридору с государственными флагами по бокам. Пахло казённым, бумагой и немного хлоркой из туалета в конце. В окне — двор, ковёр, человек с выбивалкой. Всё обычное.

На улице было ветрено. Ирина взяла меня под руку. Мы шли к машине — молча, не потому что плохо, просто не было необходимости говорить. Всё было сделано правильно.

В машине — Ирина вела, я в пассажирском сиденье — мы ехали на работу. Оба. Это важная деталь: в день свадьбы мы поехали на работу. Не отмечать, не гулять, не в путешествие. Ресторан вечером, а до этого — офис. Мы оба так хотели. Или, точнее: ни один из нас не предложил по-другому, и молчаливое согласие стало решением.

На перекрёстке у порта остановились на красный.

Я опустил стекло на щёлку — просто так, хотел холодного воздуха. Запах воды и солярки. Краны в порту, огни, движение кораблей.

И тогда — впервые — я услышал это.

Не сразу понял, что слышу. Просто что-то изменилось в фоновом шуме — как будто добавился новый слой, ниже всего остального. Не гудок, не машинный звук. Что-то другое: низкое, ровное, почти осязаемое. Одна долгая нота, которая тянулась без начала и конца.

Я повернулся, посмотрел на порт. Краны. Вода. Обычный мурманский перекрёсток.

— Что? — спросила Ирина.

— Ничего. Просто... что-то слышал.

— Что слышал?

— Не знаю. Какой-то звук.

Зелёный. Она поехала. Звук исчез — или я перестал его слышать, когда мы свернули.

Порт, трубы, городской шум. Я решил: именно это и было.

Решение тогда казалось правильным. Сейчас — я думаю иначе. Тот звук появился именно там, именно в тот момент: у воды, в день, когда я подписал документ, который менял мою жизнь. Это может быть совпадением. Или это может быть тем, что я умел слышать давно, просто никогда не давал этому внимания.

Не музыка — частота. Под музыкой. Под всем.

Город поёт тем, кто готов слышать. Я был готов — просто ещё не знал об этом.

Вечером — ресторан с пятью людьми за длинным столом. Белая скатерть. Тёща Галина Сергеевна в новом платье. Тесть Павел Игоревич в пиджаке, который видел уже

несколько важных событий моей жизни и, кажется, будет видеть ещё несколько. Мои родители не приехали — отец болен, мать с ним. Я позвонил накануне, сказал «всё нормально», отец сказал «к сожалению» несколько раз. Я сказал «понимаю».

Официант принёс шампанское. Я перевернул бокал вверх дном. Тёща немедленно начала про детей.

— Сашенька, а вы с Ириной уже думали о пополнении?

Ирина отложила вилку — резко, металл ударил по фарфору.

— Мама.

— Ей уже двадцать восемь, — поддержал тесть, откусывая хлеб.

— Хватит!

Стало тихо.

На торте стояли фигурки жениха и невесты — жених слегка накрёнён. Официант подошёл, выпрямил — фигурка снова упала. Он пожал плечами.

— Принесу новую.

Жених лежал на боку и улыбался в потолок.

Ирина взяла мою руку под столом. Я сжал. Она не смотрела на меня — смотрела на мать, которая уже переключилась на другую тему. Рука у Ирины была тёплой, сухой. Крепкое пожатие — не нежность, сигнал: мы вместе, не обращай внимания.

Я держал её руку и думал: мы хорошо подходим. Она умная. Она сильная. Она не позволяет матери нас разрушать.

Этого достаточно. Это хорошее основание.

Ночью она лежала лицом к стене. Думала, что я сплю.

— Ты вообще хочешь детей? — спросила она. Тихо. В темноту.

Долгая пауза.

Два ответа. «Да» — правильный, ожидаемый. «Нет» — честный, но неточный, потому что я не знал тогда, чего хочу. Не потому что против — просто эта часть будущего была

абстрактной. Я понимал её умом, как понимают логистическую цепочку, которая ещё не запущена: есть план, есть точки, есть сроки. Но живого ощущения — не было.

Ни один из ответов я не дал.

Я лежал и дышал ровно. Медленно. Как спят.

Она ждала. Через несколько секунд её плечи изменились — она поняла: притворяется. Закрыла глаза.

Мы лежали так до утра.

Вот как это началось.

Глава 7. Ванная ночью

Это было примерно через полгода после свадьбы. Или через семь месяцев. Я помню период, а не точную дату — дни в тот период были похожи друг на друга настолько, что перестали оставлять отдельных следов.

Ирина планировала беременность.

Планировала — не то слово. Она её организовывала. Таблица базальной температуры велась с педантичностью фи-

нансового отчёта: каждое утро в одно и то же время, до вставания с постели, градусник в одно и то же место, показания записать. Рядом — таблица предполагаемых овуляций, рядом — список рекомендаций с медицинского сайта, напечатанных и сложенных по дням недели.

Это была её система контроля над тем, что не поддаётся контролю. Я понял это позже. Тогда — просто видел: она работает над этим так же, как работает над клиентами. Методично. Без паники. Сделать всё правильно — и результат должен прийти.

«Сегодня окно. Температура упала на ноль три».

Мы занимались сексом по расписанию. Это звучит хуже, чем было, — на самом деле оно просто стало другим. Таймер. Лубрикант. Подушка под бёдра после. Распечатка с позами лежала на тумбочке — я видел её краем глаза несколько раз и ни разу не читал.

— Готов? — спрашивала она.

— Да.

— Достаточно?

— Да.

Она кивала. Поворачивалась. Укладывалась особым образом. Закидывала ноги на стену иногда — «так лучше, читала». Ждала.

Я шёл в ванную.

В ванной можно было не думать об этом. Ванная была — просто ванная: плитка, зеркало, полки с её кремами и моим гелем, запах шампуня. Нейтральное место. Я стоял под душем и становился снова собой. Не мужем по расписанию — просто человеком с мокрыми волосами, которому надо завтра рано вставать.

Та ночь, которую я помню чётче других — октябрь, уже после первого выкидыша, до Мирона. Горячая вода из душа. Я стоял под ней долго — делал её всё горячее, пока не стало почти невыносимо. Не знаю зачем. Может быть, вместо чего-то. Тело иногда делает то, что разум отказывается называть: ищет боль, которую можно контролировать, вместо той, которую нельзя.

Выкидыш был в июле. Восемь недель. Ирина узнала на контрольном УЗИ — просто: «Сердцебиения нет». Врач говорил что-то ещё, объяснял, что так бывает, что это не вина

и не признак чего-то серьёзного. Ирина слушала и кивала. Меня не было на том приёме — командировка, Архангельск, не смог перенести.

Дома она позвонила и сказала ровно: «Восемь недель. Не получилось». Я сказал: «Ты как?» Она сказала: «Нормально. Врач говорит, надо подождать три месяца и попробовать снова». Я сказал: «Хорошо».

Мы не говорили об этом больше. Это было её решение — не говорить. Или наш общий молчаливый договор. Через три месяца она снова завела таблицу. Температура. Расписание. Всё правильно.

Ту ночь, в октябре — после нас, после её ухода в ванную, пока я лежал и слушал тишину — я думал: где она в этом всём? Ирина в этой системе — где она как человек, не как организатор процесса? Я не мог найти её там. Она убрала себя из собственной системы. Осталась только функция.

Выдавил гель на ладонь. Автоматическое движение. Провёл мокрой рукой по зеркалу — чтобы не запотевало. Обвёл контур отпечатка пальцем по стеклу.

Не стёр.

Смотрел на него.

Потом услышал её голос через дверь. Тихий, ровный, деловой.

— Да, всё по графику. Нет, эмоциональных срывов. Ситуация под контролем. Спасибо, Валентина Олеговна.

Она звонила гинекологу. В половине двенадцатого ночи. После нас. Отчитывалась о результатах как о рабочем проекте.

Никаких эмоциональных срывов. Ситуация под контролем.

Я выключил воду. Стоял в ванной — голый, мокрый, немного холодно, — и слышал её разговор через закрытую дверь. Слышал, как она кладёт трубку. Слышал тишину.

Потом — её шаги. Скрип кровати. Тишина.

Я смотрел на отпечаток своей ладони на зеркале. Он начал расплываться — стекло снова запотевало снизу. Контур размывались. Сначала — чёткие пальцы, потом — нечёткие. Потом — только пятно от тепла на стекле. Потом — ничего.

Включил холодную воду. Встал под неё. Простоял, наверное, минуту.

Думал: мы делаем всё правильно. График, температура, таблица. Ситуация под контролем. Никаких эмоциональных срывов.

Почему тогда ощущение, что я стою под холодным душем в совершенно чужой ванной?

Отпечаток ладони на зеркале исчез.

Я вытерся. Вышел. Лёг рядом. Она не обернулась. Я не заговорил.

Я думаю об этом периоде теперь — о тех месяцах планирования — и понимаю: мы оба делали всё правильно. Она планировала. Я выполнял план. Мы оба были точными.

Только между нами не было ничего, кроме точности.

Это не вина — ни моя, ни её. Просто — так бывает. Люди живут рядом и делают всё правильно, и между ними всё равно пустоты. Не потому что не любят. Потому что не нашли способ быть вместе так, чтобы пустот не было.

Мы не нашли.

Может быть, и не искали по-настоящему.

За окном — ноябрьский Мурманск. Ветер. Редкий шум с улицы. И под всем этим — тихо, почти на пороге восприятия — та частота. Та же, что у ЗАГСа, у перекрёстка с портом. Из-за стекла, из-под чего-то. Один долгий ровный звук.

Я закрыл глаза.

Вода за закрытой дверью — первый раз это была Ирина, под её душем. Потом вода будет везде: в роддоме, в храме, в пожаре, в финале, в синем свете. Всякий раз — другое значение. Тогда я этого не знал.

Тогда это просто была закрытая дверь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: МИРОН

Глава 8. 3:47

Ирина забеременела в апреле — на восьмой месяц планирования. Восемь месяцев температурных таблиц, календарных циклов, специальных составов. Восемь месяцев пра-

вильных действий в правильное время.

В мае она показала мне тест. Воскресенье, я ещё лежал. Она вошла без слов — просто протянула через кровать. Две полоски, розовый пластик.

Я кивнул. Она кивнула. Ушла на кухню ставить кофе.

Я лежал и смотрел в потолок. Думал: вот оно. Правильно. Хорошо. Всё идёт как должно.

Не чувствовал ничего особенного. Ждал, что придёт — что-то большое. Не пришло тогда.

Беременность Ирина переносила как всё остальное в своей жизни: методично и правильно. Витамины строго по времени. Консультации у специалистов по расписанию. Режим. Никакого лишнего стресса — это требовало усилий, потому что работа не останавливалась. Мы оба работали почти до самого конца.

Она изменилась физически — не только живот. Что-то в лице стало другим. Более сосредоточенным. Она разговаривала с ним — вечером, тихо, я слышал из коридора. Не песни, разговоры. Рассказывала про день, про работу, про мелочи. Я иногда останавливался у двери и слушал. Не заходил.

Иногда вечером, когда мы сидели за ноутбуками на кухне, она брала мою руку и клала себе на живот. Молча, без предупреждения. Там двигалось — конкретно и живо, толчок изнутри. Я держал руку и думал: вот оно. Вот.

Ждал большего. Не приходило.

Это меня беспокоило в тот период. Не паника — просто тихий вопрос: что со мной не так? Другие мужчины говорили «всё изменилось с первого УЗИ», «я заплакал, когда услышал сердцебиение», «плакал прямо там, в кабинете». Я не плакал. Слышал сердцебиение — быстрое, чёткое, сто сорок ударов в минуту — и думал: живой. Хорошо. Нормальный пульс.

Это был мой ответ на главный вопрос жизни: «нормальный пульс».

Может быть, проблема была в том, что он ещё не был человеком для меня. Был — цифры, УЗИ, анализы, таблицы Ирины. Планируемый человек. Правильный следующий шаг. Мирон появился как человек позже — постепенно, через месяцы. Но в тот момент, на парковке роддома в три сорок семь утра, он ещё не совсем появился.

В начале октября, около полуночи, она разбудила меня: «Схватки. Надо ехать». Голос ровный — она умела держать голос ровным, когда было важно. Марк жил в пяти минутах, у него была машина. Она позвонила Марку.

Я в тот момент был на встрече с архангельским партнёром. Только вечерами, такой был у него режим — он не менял встречи. Я это знал заранее, когда планировал поездку. Нельзя было перенести, так я себе говорил. Наверное, можно было. Просто я не перенёс.

Ехал с Северного района. Знал, что не успею. Ехал всё равно.

В роддоме на Первомайской меня не пустили — только в зал ожидания. Сел в кресло у стены. Телефон в руках. Зал пустой почти — один мужчина в углу, в куртке, спал сидя. Синий флуоресцентный свет, тихо. Запах дезинфектанта и кофе из автомата в углу.

Час. Полтора. Я выпил кофе из автомата — горький, горячий, в маленьком картонном стакане. Смотрел в телефон. Читал рабочие письма. Удалял спам. Отвечал на сообщение от Серёжи про «Восход».

Это не цинизм — это была анестезия. Я не умел ждать без

дела. Дело заполняло пространство, где должно было быть что-то другое.

Потом — машина на парковке. Я не помню, когда вышел. Просто — оказался в машине, двигатель работает, стёкла в холодном паре. Парковка роддома в три ночи. Тихо. Фонарь мигает у въезда — медленно, методично. Один другой мужчина курил у дальнего угла, смотрел в телефон.

3:15. 3:30.

Октябрьский Мурманск в три ночи — это тёмный холодный воздух, запах воды издалека, редкие огни на сопках. Я смотрел на эти огни и думал ни о чём. Голова была пустой — не спокойной, именно пустой. Как после большой усталости, когда мысли перестают цепляться за что-то.

В 3:47 телефон завибрировал.

«Я родила. Все ок».

Четыре слова. Без знаков в конце. Ирина писала так, когда торопилась или когда экономила слова для чего-то важного. В данном случае — экономила, наверное. У неё было чем заняться важнее, чем знаки препинания.

Пальцы зависли над клавиатурой. На парковке — тихо. Другая машина приехала — молодой мужчина выбежал с букетом, почти побежал ко входу. Кто-то его ждал.

Я написал: «Молодец. Поздравляю».

Посмотрел на эти слова. Долго смотрел. Думал: это неправильно. Это холодно. Надо написать что-то ещё. Написать — что? Я сидел на парковке роддома, его мать лежала где-то внутри с ним, и я писал «Молодец». Как пишут менеджеру, который хорошо провёл презентацию.

Но другого у меня не было. Я был честным человеком — в конечном счёте. Писать то, чего не чувствую, было бы ложью.

Отправил.

Положил телефон экраном вниз.

Потом несколько секунд просто сидел. В машине. На парковке. Снаружи — октябрьская ночь, Мурманск. Запах осени через вентиляцию.

Мой сын только что родился.

Это было именно так — мой сын. Уже имя в планах, уже реальный человек с тремя тысячами шестьюстами граммами и пятьюдесятью двумя сантиметрами. Мирон Александрович Чернов. Это было настоящим.

Я записал его в телефонную книгу — открыл контакты, создал новый. «Мирон». Сохранил.

Потом достал ноутбук. Открыл отчёт. Мурманск — Архангельск — Петрозаводск. Курсор мигал на пустой строке.

Я смотрел на мигающий курсор долго. Потом закрыл ноутбук. Просто закрыл.

Сидел в тёмной машине на парковке.

За окном — фонарь у въезда, мигающий. Мужчина с букетом уже ушёл внутрь. Второй мужчина в углу докурил, сел в машину, уехал.

Я остался один на парковке.

3:52 утра. Мой сын родился пять минут назад.

Я не плакал. Не чувствовал большого — того, о котором говорят. Чувствовал маленькое и тёмное: ты должен был

быть там. Не потому что это важно — потому что это была его точка входа в мир. Ты был на встрече с архангельским партнёром.

«Молодец. Поздравляю» — это всё, что я нашёл. Не потому что мало чувствовал — потому что не умел больше. Это важное различие. Я его понял только потом.

Глава 9. Три тысячи шестьсот

На следующий день или через день — время смешалось — я сидел в кресле в больничной палате и ждал.

Ирина разговаривала с врачом у двери — тихо, деловито. Кесарево. «Долгое восстановление». «Ограничения». Она кивала и слушала и задавала точные вопросы. Врач отвечал. Она кивала снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.